

Е. Н. Васильева*

ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ О ВЕЛИКОЙ ТАРТАРИИ В ТРАКТАТЕ «О ДУХЕ ЗАКОНОВ» Ш.-Л. МОНТЕСКЬЕ**

Предметом исследования в статье является образ Великой Тартарии в трактате «О духе законов» Монтескье, рассматриваемый в соотношении с предшествующей традицией изображения азиатского региона в западноевропейской культуре. Со времен завоевательных походов Чингисхана и до XIX в. в Европе преобладало негативное восприятие Великой Тартарии, по сути, представлявшей собой воображаемый конструкт. В статье предпринимается попытка определить, какую роль в формировании и эволюции «татарского мифа» играет Монтескье. С одной стороны, значительное внимание уделяется обзору источников, на которых базируется его знание об этом регионе, и анализу принципов работы с ними. С другой стороны, исследуются специфические представления писателя о политической организации, религии и нравах татар в контексте его социально-политической теории.

Ключевые слова: Монтескье, «О духе законов», Великая Тартария, татары, миф, имагологические исследования.

E. N. Vasilyeva

TRUTH AND FICTION ABOUT THE GREAT TARTARY IN MONTESQUIEU'S «THE SPIRIT OF LAWS»

The article seeks to explore the image of the Great Tartary in Montesquieu's treatise «The Spirit of Laws» compared with the previous tradition of the Asia region representations in the occidental culture. Since Mongol Wars up to 19 century in Europe dominated a negative perception of the Great Tartary which was no more than an imaginary construct. The article focuses on Montesquieu's contribution to the «Tatar myth». On the one hand, it provides an overview of sources used by Montesquieu and examines his method of proceeding with

---

* Васильева Екатерина Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; katia_vasilyeva@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00247 «Монтескье в отечественной и мировой философии и культуре: история и современность».

the sources. On the other hand, it considers his specific representations of Tatars political institutions, religion and morals in the light of his social and political theory.

Keywords: Montesquieu, «The Spirit of Laws», the Great Tartary, Tatars, myth, imagology studies.

Европа узнала о татарах в начале XIII в., когда завоевательные походы Чингисхана привели орды кочевников вплотную к ее границам. В представлении европейцев войны Чингисхана буквально обрушились на «цивилизованный» мир, придя из неизвестных, расположенных на самом краю света областей, именуемых Тартаром. В средние века это понятие еще сохраняло отчетливую связь с античными представлениями о Тартаре как об отдаленных областях ада. Неудивительно, что религиозное средневековое сознание откликнулось на вторжение татарских орд конструированием образа варвара, врага всего христианского мира, появившегося из бездны преисподней и несущего хаос и конец света. Отсюда и берет начало европейская традиция именовать татар тартарами, а Татарию — Тартарией.

Впоследствии мифы и легенды об этом регионе множатся, становятся все более изощренными. Например, ряд средневековых источников соотносит татар и легендарные народы древности Гог и Магог, приход которых возвестит о конце мира. К этим представлениям примыкают другие, столь же невероятные: татар принимали в Европе и за потомков десяти колен Израилевых, ушедших за золотым тельцом и канувших в вечность, ассоциировали и с другими библейскими народами, исчезнувшими в древности [5, с. 32]. Образ Татарики, создававшийся в литературе и картографии, все более отдалялся от ее действительного облика.

Вплоть до XIX в. европейцы не имели определенного представления даже о границах Татарики, называемой также Великой Тартарией. В донесениях и на картах, составленных иностранными путешественниками в разные периоды, эта обширная область размещена в разных направлениях. Одни (Джованни Плато дель Карпини) изображали ее далеко на востоке. Другие (Энтони Дженкинсон, Адам Олеарий) сдвигали ее границы на запад, к Астрахани. Третьи (Ян Блау) именовали Тартарией все пространство, расположенное за Уралом. Примечательно, что противоречивые сведения о границах Татарики не являются свидетельством накопления знаний и отражением эволюции представлений о ней. В своем фундаментальном исследовании, посвященном истории формирования концепта «Центральная Азия», С. Горшенина приводит свидетельство епископа Клода Висделу, который в 1779 г. писал, что «каждый может перемещать и размещать их так, как посчитает уместным». По мнению исследовательницы, на данном этапе точное определение границ Северной (или Верхней) Азии вообще не было обязательным. Причина же кроется в политической логике, согласно которой ментальные границы области сдвигались по мере того, как изменялись приоритеты в освоении азиатских территорий [8, р. 228–229].

Путаницу, связанную с определением внешних границ Татарики, усиливает и отсутствие единого представления о границах внутри самого региона. Разные источники приводят несколько дублирующих наименований областей,

входящих в его состав: Московская Татария, Независимая Татария, Китайская Татария, Северная Татария, Восточная Татария, Западная Татария и т. д. В этих источниках также нашли отражение в основном превратные представления европейцев о географии этого региона, остававшегося малоизученным: многочисленны случаи ошибочного указания названий гор, водных ресурсов, а также неверное изображение их очертаний и расположения относительно друг друга.

Наконец, невероятный облик Татарии дополняют многочисленные упоминания о населяющих ее чудесах и сказочных существах, о фантастических явлениях, не поддающихся разумному объяснению. К примеру, одним из общих мест путешествий в Азию является упоминание о так называемом «*boanetz*», или растительном барашке — удивительном существе, наполовину растении наполовину животном. По «свидетельствам» путешественников, описывавших это природное чудо со слов третьих лиц, оно вырастает из семени наподобие семени дыни. Голова, туловище и все члены у этого существа совершенно такие же, как у настоящего ягненка, только посередине живота находится стебель, который служит ему чем-то вроде пупка. Оно поедает траву вокруг себя и живет до тех пор, пока не выйдет вся трава. Эта небылица, восходящая к описаниям Атанасиуса Кирхера, Жюль-Сезара Скалигера и Вильгельма Постела, была подхвачена Сигизмундом Герберштейном, Адамом Олеарием, Джоном Перри и множеством других именитых путешественников, каждый из которых демонстрировал разную степень убежденности в реальности описываемого явления. Так или иначе, миф о баранце оказался весьма устойчивым, будучи в обращении еще в XVIII в., вплоть до появления известной статьи Дени Дидро «*Agnus Scythicus*» в «Энциклопедии», в которой свидетельства о мифическом зоофите решительно опровергались как не согласующиеся с разумом [13].

Другой азиатский монстр, часто упоминаемый путешественниками, — загадочный «*béhémoth*», земноводное животное, примечательное своими огромными бивнями. Эти бивни, более гладкие и более светлые, нежели бивни слона, высоко ценятся у персов и турок, которые предпочитают оружие, украшенное рукояткой из этого материала, всякому другому оружию. Впрочем, эти бивни не только являются ценным материалом, но и обладают чудесным свойством останавливать кровь. Именно таким образом загадочное животное впервые было описано в «Путешествии по различным частям Европы и Азии» иезуита Филиппа Авриля [12, р. 107–109]. И хотя в более поздних описаниях фантастические детали отсутствуют, но сам факт существования такого животного как будто уже не ставится под сомнение.

Действительные сведения о Татарии оставались скудными и фрагментарными на протяжении столетий, а возникающие лакуны заполнялись всевозможными домыслами, сводящими к нулю различия между мифом и реальностью. Татария, таким образом, превращалась в полумифическую страну с невнятными географическими очертаниями, размытым содержанием и даже неопределенными наименованиями территорий, входящих в ее состав. В этом отношении термин «Татария» обнаруживает абсолютную ненаучность и неконкретность, при этом за ним надолго закрепляется отчетливая отрицательная коннотация. Вплоть до XIX в., когда сведения, добытые в результате последовательного изучения региона, позволили составить более или менее

четкое представление о нем, термин «Татария» представлял собой своего рода идеологический концепт, некий обобщенный и доведенный до абсолюта образ Другого (далекий, загадочный, варварский, опасный, несущий хаос, смерть, конец света), сконструированный европейским сознанием как противовес собственной цивилизации.

На этом фоне симптоматична фигура Шарля-Луи Монтескье, которому принадлежит важная роль в разработке образа Татарии в европейском идеологическом пространстве. Для писателя, посвятившего десятилетия изучению истории, законов, общественных установлений, нравов и обычаев различных народов, Татария входит в число областей, представляющих принципиальный интерес. Исторический опыт татар являл уникальным в своем роде материалом для социальной и политической мысли Монтескье, который вывел их образ в трактате «О духе законов» как «самого своеобразного народа на земле» [3, с. 249].

Первое более или менее обширное, законченное высказывание о Татарии можно обнаружить уже в романе «Персидские письма» (1721), где «татарская» тема раскрывается в письме LXXXI. Во многом образ Татарии в романе еще обнаруживает сильное влияние традиции и основан преимущественно на страхах предшествующих поколений, связанных с беспрецедентными военными завоеваниями татар. «Из всех народов мира, дражайший мой Узбек, — говорится в этом письме, ни один не превзошел татар славою и величием завоеваний. Этот народ — настоящий повелитель вселенной: все другие как будто созданы, чтобы служить ему. Он в равной мере и основатель и разрушитель империй; во все времена являл он миру свое могущество, во все эпохи был он бичом народов» [2, с. 130]. Отношение Монтескье к этому народу, как видим, противоречиво. Завоевания Чингисхана, которым уступают даже завоевания Александра Македонского, вызывают истинное восхищение писателя, сетующего о том, что история не помнит этих блестящих подвигов.

Сколько было татарами основано государств, истории которых мы не знаем! Этот воинственный народ, занятый только своей сегодняшней славой, уверенный в вечной своей непобедимости, нимало не позаботился о том, чтобы увековечить память о своих прошлых завоеваниях [2, с. 131].

Вместе с тем неподдельное восхищение былым могуществом татар соседствует с опасением Монтескье за будущее современных ему «цивилизованных» народов, над которыми нависает аналогичная угроза порабощения, ведь современная история тоже знает примеры народов, подобно татарам ведущих энергичную завоевательную политику. Наконец, явленный в «Персидских письмах» образ народа-завоевателя, простирающего свою власть на обширные пространства и держащего в страхе полмира, анонсирует глубокую озабоченность писателя судьбами вообще всех народов и государств, чья мощь базируется на военной экспансии.

В «Духе законов» (1748) образ Татарии заметно усложняется, выходя далеко за рамки оценочных суждений о военной мощи татар и включая широкий спектр проблем: географические особенности, политическая организация, нравы и обычаи, религия татар. Формированию такого комплексного пред-

ставления о стране и населяющем ее народе способствовало глубокое изучение источников. В тексте трактата содержится огромное количество авторских комментариев и ссылок на источники, позволяющих судить о масштабе подготовительной работы.

Источниками сведений о географии региона послужили преимущественно три издания: «Собрание путешествий на Север», «История татар» и «Описание Китайской империи» отца Дюальда. «Собрание путешествий на Север» — главный издательский успех известного французского издателя Жана-Фредерика Бернара и вместе с тем важная веха в истории литературы путешествий в целом. В эпоху, когда литература путешествий находилась на подъеме, приоритетными направлениями были страны Средиземноморского бассейна, африканские и восточные страны. Бернар же открывал перед читателем новые горизонты — страны Севера, которые, несмотря на всё возрастающий коммерческий интерес Европы к этому направлению, оставались плохо представленными в литературе путешествий [15]. Издатель справедливо рассчитал, что столь востребованная и одновременно столь мало изученная тема привлечет внимание широкой читательской аудитории. Действительно, сиюминутный успех книги заставил Бернара заметно расширить рамки исходного замысла: если издание 1715 г. составляли всего три тома, то к 1738 г. сборник насчитывал уже десять томов.

По данным каталога домашней библиотеки Монтестье в фамильном замке Ла Бред, на момент смерти писателя, в 1755 г., библиотека насчитывала всего 3236 томов [7], из которых значительную часть составляла литература путешествий. В частности, в ней представлено и «Собрание путешествий на Север» в восьми томах издания 1715–1727 гг. Работая над азиатской темой, Монтестье обильно использовал это издание, в частности, «Путешествие» Энтони Дженкинсона, вошедшее в четвертый том. Известный английский дипломат, первый полномочный посол Англии в России, Дженкинсон оказался первым среди западноевропейских путешественников, оставивших описание Каспийского моря, а также составил самую подробную на тот момент карту региона, опубликованную в 1562 г. под названием «Описание Московии, России и Тартарии».

В восьмом томе «Собрания путешествий на Север» внимание Монтестье привлекли «Путешествие из Москвы в Китай» голландского купца Эверта Исбранта Идеса и «Описание нравов и обычаев Остяков» Иоганна Бернгарда Мюллера. Идес вел торговые дела в России, входил в число «московских торговых иноземцев», а в 1692–1695 гг. возглавлял русское посольство в Пекин: путевые заметки, которые голландец вел в ходе своего путешествия, и составили книгу «Путешествие из Москвы в Китай». Мюллер же был из числа немецких офицеров, состоявших на шведской военной службе. После разгрома шведских войск под Полтавой он вместе с другими офицерами был сослан в Сибирь, где занимался изучением истории, географии, языков и нравов местных народов, что составляло одну из обязанностей шведских пленников. Во многом именно благодаря их изысканиям Европа получила первые более или менее точные сведения об этом регионе.

«История татар», или «Родословная история о татарах, переведенная с татарской рукописи Абулгази-Баядур-Хана», на которую неоднократно ссылается

Монтескье в «Духе законов», также входит в собрание Ла Бред. У истоков этой книги стоит рукопись хивинского хана Абулгази, составленная еще в середине XVII в. и обнаруженная в начале следующего столетия офицером шведской армии Филиппом Йоханом Таббертом фон Страленбергом. После Полтавской битвы Страленберг разделил судьбу Мюллера, будучи отправлен в Сибирь. Дальнейшая же судьба книги не известна наверняка. Некоторые исследователи полагают, что сочинение Абулгази попало в руки ученого-эрудита Бентинка, которому, по всей видимости, и принадлежит французский перевод, вышедший в Лейдене в 1726 г. [14] В предисловии к французскому изданию сообщаются следующие подробности истории рукописи:

Читатель обязан настоящим трактатом пленению шведских офицеров в Сибири; ибо некоторые из этих господ, бывших литераторами, купили татарскую рукопись этой истории у одного торговца из Бухары, который доставил ее в Тобольск, на их средства рукопись была переведена на русский язык, а затем они сами перевели ее на другие языки... [6, s. p.]

Перевод снабжен пространными комментариями переводчика, которые представляют огромную историческую ценность, сопоставимую с ценностью самой книги, поскольку содержат подробные сведения о географии Северной Азии и населяющих ее народах по состоянию на начало XVIII в. Многие из этих комментариев были зафиксированы Монтескье в его рабочей тетради («Geographica»), где им делались краткие выписки из сочинений, касающихся истории и географии разных частей света. Эта тетрадь была подготовительным этапом в ходе работы над «Духом законов», переходным звеном между первоисточниками и трактатом. Очевидно, что уже на этом этапе можно говорить о предварительном критическом осмыслении прочитанного, ведь Монтескье не переписывает текст источника, но пересказывает его своими словами, дистанцируясь от текста, занимая по отношению к нему критическую позицию. Впрочем, текст «Духа законов» явственно свидетельствует о том, что в ходе работы над главами, посвященными Азии, писатель повторно обращался к «Истории татар», причем не к примечаниям переводчика, а к самому тексту Абулгази.

Наконец, «Описание Китайской империи», или «Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайской империи и Китайской Тартарии» 1735 г. — энциклопедический труд ученого иезуита Жана-Батиста Дюальда, основанный на многочисленных источниках и дававший всестороннее описание Китая в XVI–XVIII вв. В отличие от упомянутых выше изданий, эта книга предлагала взгляд на Татарию с другой перспективы — со стороны Китая. Во многом благодаря авторитету автора дальнейшее восприятие Тартарии происходило с ориентацией именно на этот труд. Для Монтескье донесение отца Дюальда выступило в роли одного из основных источников сведений о севере Азии. Об этом свидетельствуют выписки из этой книги, содержащиеся в «Geographica», и многочисленные указания на нее в тексте «Духа законов».

Работая над фрагментами, связанными с географией Каспийского региона, Монтескье использовал также картографические материалы, в частности т. н. «карту царя» (*carte du tsar*). Речь идет о карте Каспийского моря, составленной

по личному указанию царя Петра I. Для этой цели в 1719 г. им была отправлена специальная научная экспедиция на Каспий, представлявший стратегический интерес для России. Работа велась лучшими морскими офицерами-картографами под руководством капитана-лейтенанта Карла ван Вердена. По окончании работ, в 1721 г., через библиотеку И. Д. Шумахера, делегированного в Европу с рядом поручений, Петр I направил карту в дар парижской Академии наук, таким образом выражая свою благодарность за избрание его иностранным членом академии. Впоследствии карта была напечатана усилиями французского географа Гийома Делиля и получила высокую оценку французских ученых за точность, выгодно отличавшую ее от всех предыдущих. Шумахер, представивший карту собранию академиков, описывал произведенное ею впечатление так: «Все были поражены, поскольку на карте, в противовес мнениям всех географов, Каспийское море имело совсем другую форму» [1, с. 338]. Шумахеру вторит и секретарь Академии, Бернар Ле Бовье де Фонтенель, который в своем «Похвальном слове царю Петру I» отзываясь о ней как о настоящей научной сенсации. Эта карта совершенно изменила понятия, существовавшие на Западе относительно формы этого моря.

В «Духе законов» содержится также указание на «карту господина Батален» (Bathalsi). Искаженная орфография имени затрудняет поиск сведений об этом источнике. По всей вероятности, имеется в виду составленная в 1732 г. карта Центральной Азии, на которой изображены Каспийское и Аральское моря и близлежащие территории. Составителем карты был греческий купец, путешественник, исследователь и дипломат Василиос Ватац (Vasilios Vatatzes). Ватац с раннего возраста обосновался в Москве, где занялся торговлей и откуда им были предприняты по меньшей мере три поездки в Персию через территорию Центральной Азии. Немногочисленные данные о жизни Ватаца тем не менее позволяют говорить о том, что он пользовался расположением могущественного правителя Персии Надир-шаха, с которым был лично знаком и при дворе которого провел довольно продолжительное время. Итогом этого знакомства стала обстоятельная биография Надир-Шаха, содержащая важные исторические и этнографические сведения. Очевидно, что Ватац хорошо знал регион, и составленная им карта, хоть и недостаточно подробная, может считаться относительно достоверным источником.

Примечательно, что при описании быта и нравов татар Монтеスキе опирается не только на современные, но и на средневековые источники. Речь идет прежде всего о знаковом труде итальянского монаха-францисканца Джованни Плато дель Карпини «История монгалов». Карпини посетил Центральную Азию в период, когда империя ханов находилась в самой активной фазе своего развития, вызывая сильное волнение в Европе. В 1245 г. по поручению папы римского Иннокентия IV Карпини отправился в земли, захваченные татарами, с целью установления дипломатических контактов. Притом что конечную цель миссии вряд ли можно считать достигнутой, донесение папского легата имеет то неоспоримое преимущество, что является наиболее ранним европейским свидетельством об Азии эпохи татарского завоевания. Во французском переводе книга была опубликована в первой половине XVII в. в сборнике «Путешествий в Тартарию» Пьера Бержерона.

Наконец, наиболее ранний из упомянутых Монтеские источников — донесение Приска Панийский в 448 г. находился в составе византийского посольства во главе с Максиминем к вождю гуннов Аттиле и оставил примечательное описание этого посольства, в котором касался как личности самого Аттилы, так и описания страны, культуры, образа жизни гуннов и т. д.

На основании такого обширного материала Монтеские и выстраивает свой татарский дискурс. Прежде всего, образ Татарии невозможен без описания ее специфического географического положения. Впрочем, описание это остается размытым и не дает более или менее четкого представления о границах региона. Ссылаясь на сообщения путешественников, Монтеские говорит, что север Азии представляет собой обширный материк, который «простирается от сорокового градуса или около того до полюса и от границ Московии до Великого океана», что «эта громадная область пересечена от запада к востоку горной цепью, к северу от которой находится Сибирь, а к югу — великая Татария» [3, с. 235]. И хотя Татария расположена южнее Сибири, климат которой исключительно суров, она «тоже очень холодна и земля там не возделывается» и «там нет ничего, кроме пастбищ для стад, а вместо деревьев имеются только редкие кустарники» [3, с. 236]. Однако специфика Азиатского региона такова, что территории с очень холодным климатом непосредственно граничат со странами с очень жарким климатом — Персией, Турцией, Китаем, Кореей, Японией, государством Могола, тогда как территорий с умеренным климатом на континенте нет. По мысли Монтеские, из этого обстоятельства следует, что в Азии «народы воинственные, храбрые и деятельные непосредственно прикасаются с народами изнеженными, ленивыми и робкими, поэтому один из них неизбежно становится завоевателем, а другой — завоеванным» [3, с. 236–237].

Монтеские заостряет внимание на том факте, что блистательные завоевания отнюдь не становятся для совершивших их народов Северной Азии источником славы и благоденствия, а влекут за собой роковые последствия: завоевания, совершенные народами Северной Азии, имеют следствием политическое рабство самих завоевателей. Дело в том, что покоренные территории настолько обширны, что на них образуются целые империи, для управления которыми, по мысли Монтеские, годна только одна форма власти — деспотическая, поскольку только она может обеспечить необходимый контроль над этими территориями и населяющими их народами. В свою очередь, деспотическая форма правления возможна только при условии, что народы, населяющие эти территории, находятся в абсолютном подчинении у своего господина — в данном случае у великого хана. Состояние рабства является своего рода гарантией сохранения деспотического государства в его границах. В противном случае неизбежно проявление тенденций к внутреннему разобщению, которые послужат основанием для разделения государства на более мелкие образования. Однако Монтеские отмечает, что деспотическая власть великого хана простирается не только на народы завоеванных территорий: его амбиция такова, что он подчиняет своему произволу и свой собственный народ. Так, победы, одержанные завоевателями, предназначены лишь для их господина, а сами завоеватели разделяют участь завоеванных народов.

Так, анонсированная в «Персидских письмах» проблема, связанная с функционированием империи и спецификой имперской идеологии, получает в «Духе законов» всестороннее развитие. По мысли писателя, государства, имеющие имперские амбиции, действуют исключительно из амбиции повелевать. В частности, одним из признаков империи Монтескье называет стремление к бесконечному расширению территории, т. к. с ним связываются надежды на увеличение государственной мощи. Но в действительности такая политика влечет за собой только несчастье и разорение для побежденного народа и не приносит никакой выгоды народу-победителю: реального увеличения мощи не происходит, территориальное расширение ведет к коррупции, нестабильности и деспотизму. Реальный эффект от территориальной экспансии — это одновременно уязвимость территории от внешних угроз и постоянная угроза внутреннего взрыва. Монтескье приходит к заключению, что для поддержания могущества государства необходимы не жесткий политический контроль и расширение территории, а напротив, политическая умеренность и соблюдение определенных естественных пределов. Несоблюдение этих принципов неминуемо ведет государство к распаду. В ряде исследований, посвященных концепту «империя» в политической мысли Монтескье, С. Спектор показывает, что Монтескье дискредитирует классическую — римскую — завоевательную модель, выдвигая при этом альтернативную модель — торговую [16; 17]. По своей сути она также является имперской. Однако, опираясь на примеры стран, которые ведут крупную торговлю, Монтескье констатирует, что в этом случае имперские амбиции имеют положительный эффект. Различая две формы империи — «завоевательную» и «торговую» (или «наземную» и «морскую»), писатель противопоставляет их: если первая ведет к нищете и порабощению, то вторая — к могуществу и свободе. В отличие от военного захвата территорий, который создает лишь иллюзию мощи и обогащения, торговля приносит реальную выгоду обеим сторонам [17, р. 25].

Татария являет для Монтескье выдающийся пример завоевательной империи, а ее исторический опыт — веским аргументом против имперского проекта.

В «Духе законов» татары названы «естественными завоевателями Азии» [3, с. 238]. Они постоянно пребывают в состоянии войны, при этом военные нравы их отличаются крайней жестокостью, которая во многом объясняется специфическим образом жизни. Татары — пастушеский народ, живущий на громадной равнине, где нет ни лесов, ни городов. Они не имеют домов, которые, с одной стороны, служили бы им защитой, а с другой — сами нуждались бы в защите в случае нападения врага. Пастбища и стада составляют их единственное имущество. Отсутствие понятия дома и привязанности к определенной территории объясняет ту быстроту и стремительность, с которой они производили свои завоевания, опустошая и разоряя территории, через которые пролегал их путь, истребляя жителей взятых городов. Города задерживали их стремительный натиск, мешали беспрепятственному продвижению вперед, и татары, не владевшие осадным искусством, прибегали к жестокости, чтобы сломить сопротивление городов и компенсировать собственные людские потери, понесенные при осаде. «Они опустошили Азию — от Индии до Средиземного моря; весь край, составляющий восточную часть Персии, обратился в пустыню в результате их завоеваний» [3, с. 249].

В главе «Духа законов», посвященной торговле древних народов, Монтескье сообщает о том, что еще в древности государства Азии были вовлечены в торговлю — источник богатства и преуспевания, по их территории пролегали многочисленные торговые пути, посредством которых устанавливались связи с отдаленными областями Востока и Запада. Но разрушительные набеги татар уничтожили торговлю, сметая с лица земли и сами города, и торговые пути, пролежавшие через них:

Этих путей сообщения теперь уже нет. Все эти страны были опустошены татарами, и этот разрушительный народ все еще живет там на их пагубу. Аму-Дарья уже не впадает в Каспийское море. Татары в собственных интересах отвели от него течение этой реки, и она исчезает в песчаных пустынях. Река Сыр-Дарья, составлявшая прежде границы между цивилизованными и варварскими народами, тоже отведена татарами и уже не доходит до моря [3, с. 298].

В этом фрагменте Монтескье касается вопроса, который на протяжении длительного периода был предметом споров: многочисленные источники свидетельствуют о том, что в древние времена река Аму-Дарья сообщалась с Каспийским морем, и это обстоятельство обеспечивало эффективную торговлю между областями, отдаленными друг от друга на тысячи километров. Говоря о причинах, по которым в настоящем Аму-Дарья не впадает в Каспийское море, Монтескье напрямую ссылается на «Путешествие» Энтони Дженкинсона. Однако если обратиться к тексту источника, то можно заметить, что английский путешественник связывает эти изменения не с татарскими набегами, а лишь с истощением реки, вызванным обильным использованием ее ресурсов местным населением:

Вы заметите, что в прежние времена река Оксус [древнее название Аму-Дарьи] впадала в этот залив [Каспийского моря], но теперь она не доходит так далеко. <...> Вся вода, которой пользуются в этой стране, берется из каналов, проведенных из реки Оксус, вот почему она больше не впадает в Каспийское море. Эта страна подвергается опасности превратиться в пустыню, когда эти народы окончательно уничтожат своими каналами течение этой реки [10, р. 485–487].

Впрочем, объяснение, данное Дженкинсоном, тоже вряд ли бесспорно: приведенные данные о некоем заливе Каспийского моря свидетельствуют о том, что автор «Путешествия» имел неверное представление о географии региона. Водное пространство, которое английский путешественник принял за залив Каспийского моря, в действительности могло быть одним из озер, расположенных к востоку от Каспия.

Фрагмент, в котором Монтескье объясняет отсутствие сообщения между рекой Сыр-Дарья и Каспийским морем татарскими набегами, сопровождается авторским примечанием. В тексте примечания автор высказывает любопытное предположение о том, что именно в результате этих изменений образовалось Аральское озеро. И хотя это предположение ошибочно, важно отметить как сам интерес Монтескье к этому вопросу, так и попытку связать важнейший факт географической истории с историей татарского народа.

Целый ряд глав «Духа законов» посвящен общественным установлениям татар. Говоря о религии, Монтескье указывает прежде всего на отсутствие храмов, вновь объясняя этот факт специфическим — кочевым — образом жизни татар. По выражению автора «Духа законов», народы, не имеющие своих домов, не строят домов для бога. Более того, для Монтескье отсутствие храмов является причиной, по которой татары презирают храмы других народов. Иллюстрацией этого утверждения выступает эпизод, связанный с военным походом Чингисхана и его армии в Великую Бухарию (Бухарское ханство). Монтескье приводит свидетельство, согласно которому Чингисхан, находясь в мечети в Бухаре, бросил Коран под ноги своей лошади, тем самым выказав презрение к мусульманским храмам.

Между тем, Монтескье акцентирует внимание на том, что презрение к храмам мусульман не распространяется собственно на мусульманскую религию. Из всех догматов мусульманской религии Чингисхан отвергает лишь тот, который предписывает каждому мусульманину хотя бы один раз в жизни совершить паломничество в Мекку. По выражению Монтескье, Чингисхан не мог принять того факта, что поклоняться богу можно лишь в определенном месте. В «Истории татар», на которую ссылается автор «Духа законов», действительно сообщается следующее: Чингисхан,

убежденный в том, что бог присутствует повсюду и что вся вселенная принадлежит ему, утверждал, что всякое место пригодно для того, чтобы обращаться к нему с молитвой, и находил нелепым утверждение, что одно место более пригодно для того, чтобы молиться богу, нежели другое [6, p. 335].

По отношению к мусульманской религии в целом великий хан татар выказывает полное одобрение, тем самым демонстрируя веротерпимость. Это качество, столь дорогое для энциклопедистов, как будто противоречит образу жестокого и непримиримого воина, каким Монтескье изображает Чингисхана. Однако автор «Духа законов» находит объяснение этому обстоятельству: «Народы, не имеющие храмов, бывают мало привязаны к своей религии. Вот почему татары во все времена отличались такой веротерпимостью» [3, с. 396].

В объектив Монтескье попадают также своеобразные нравы и обычаи татар, в т. ч. проблема брачно-семейных отношений. Одним из специфических признаков брачно-семейных отношений у татар объявляется инцестуальный брак, и автор «Духа законов» рассматривает этот феномен с точки зрения его правомерности. По его мнению, брак матери с сыном противоречит природе и имеет существенное препятствие: такой брак не дал бы потомства, т. к. женщина теряет способность иметь детей раньше, чем мужчина. В то же время брак между отцом и дочерью, хотя и отклоняется от нормы, не имеет аналогичных препятствий и потому противоречит природе в меньшей степени, нежели брак между матерью и сыном. Подводя итог своему рассуждению, Монтескье констатирует: «Потому-то татары, которые могут жениться на дочерях, никогда не вступают в брак с матерями, как мы это видим в донесениях» [3, с. 418]. В подтверждение своего умозаключения автор, ссылаясь на донесение Прииска Панийского, приводит свидетельство о женитьбе вождя гуннов Аттилы на своей дочери.

Однако в утверждении Монтескье обнаруживается несколько уязвимых мест. Во-первых, удивительно то, что писатель говорит в настоящем времени о законах татар, ссылаясь на источник V в. Во-вторых, приводя эпизод из биографии гуннского вождя Аттилы в доказательство правомерности инцестуального брака у татар, Монтескье, по сути, отождествляет гуннов и татар, хотя такое отождествление не вполне правомерно. Впервые на этот спорный момент обратил внимание Спиридон Юрьевич Дестунис еще в первой половине XIX в., когда описание посольства Приска Панийского было впервые переведено им на русский язык. Дестунис был греком по происхождению, состоял на службе при министерстве иностранных дел России, выполнял дипломатические функции и занимался историко-литературными изысканиями, в частности, изучал и переводил византийских историков на русский язык. Подготовленный Дестунисом перевод из Приска Панийского был опубликован посмертно (в 1860 г.) в типографии Академии наук в Петербурге под заглавием «Сказания Приска Панийского».

В переводе Дестуниса читаем, между прочим, такие слова Приска:

До некоторого места, мы продолжали ехать одною с ним [Аттилой] дорогою; потом поворотили по другой, как велели нам скифы, наши проводники; потому что Аттила хотел поехать в одно селение, в котором намеревался сочетаться браком с дочерью Эскамою. Аттила имел много жен, но хотел жениться и на этой особе, согласно с законом скифским [4, с. 45].

Дестунис дает следующее пояснение этому фрагменту:

...так как иностранные имена собственные, оканчивающиеся на ам, перешедшие в греческий язык, не склоняются, то мы и не знаем наверное, какого тут падежа σκι, винительного или родительного, т. е. хотел ли Аттила жениться на дочери своей Эскаме, или на дочери Эскама (какого-то). Следующие слова П. согласно с законом скифским заставляют некоторых думать, что Эскам была дочь Аттилы: Монтескье, дающий этому месту такое объяснение, основывает на нем положение, что у татар дозволено жениться на своей дочери (*Esprit des loix* t. III, I. XXVI, ch. 14). Но не решено: 1) татары ли были гунны? 2) идет ли тут речь о дочери Аттилы? 3) слова согласно с законом скифским относятся ли к дозволению законом скифским жениться на своей дочери, или к дозволению иметь много жен? [4, с. 45].

Как видим, в данном случае Монтескье делает выводы о своеобразных законах татар, опираясь на источник, в котором не содержится отчетливых доказательств его идеи. Более того, содержащиеся в источнике сведения не просто получают сомнительную интерпретацию, но возводятся в статус закона.

Несмотря на то что отдельные высказывания Монтескье о татарах не выдерживают проверки историей (писатель допускает неверные предположения и делает ряд ошибочных умозаключений), позицию Монтескье в целом отличает взвешенность, научный подход к изучению татарского феномена. В основе этого подхода лежит основательная работа с источниками, поражающими количеством и разнообразием: они охватывают исключительно широкие временные рамки (V–XVIII вв.) и включают разные типы источников (историче-

ские описания, донесения, картографический материал). При этом в объектив писателя попадают самые разнообразныe аспекты: география, политическое устройство, нравы и обычаи, религия татар, в результате чего формируется объемный образ страны и народа.

Парадоксальным выглядит тот факт, что тексты Монтескье, не будучи оригинальными свидетельствами, но основанные на различных источниках, сами обретают статус источника. Положения, сформулированные автором «Духа законов», поднимаются на щит последующим поколением просветителей. На авторитет Монтескье ссылается, в частности, шевалье де Жокур, которому принадлежит ряд статей о Татарии и татарах в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. В статье «Тартары» он пишет:

Тартары должны были бы быть свободными, и тем не менее они все пребывают в политическом рабстве. Автор Духа законов находит тому превосходные основания, которые до него никем не были разработаны [9, p. 924].

Жокур почти дословно приводит целые пассажи из «Духа законов» и, что особенно примечательно, даже фрагмент текста «Персидских писем», впрочем, добавив от себя несколько слов (выделены курсивом):

Этот народ, столь гадкий на вид, — настоящий повелитель вселенной. Он в равной мере и основатель и разрушитель империй; во все времена являл он миру свое могущество, во все эпохи был он бичом народов [9, p. 924–925].

Отличительная черта метода Монтескье — сознательное игнорирование общих мест и мифотворчества вокруг Татарии. Удивление и страх, которые на протяжении столетий татары неизменно порождали среди европейцев, наконец-то уступают место методическому изучению причин явлений и взаимосвязи между ними. На основании обширного фактического материала Монтескье впервые были отрефлексированы и сформулированы предпосылки возникновения специфического государственного механизма татар и была предпринята попытка вписать историю этого народа в общую мировую историю. Выламываясь из общеевропейской традиции изображения этой обширной области земного шара, Монтескье наметил путь к переосмыслению концепта Татария, которое в конечном итоге приведет к преобразованию его из мифологического в конкретное географическое пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багров Л. История русской картографии. — М.: Центрполиграф, 2005.
2. Монтескье Ш.-Л. Персидские письма // Французский фривольный роман / пер. с фр., примеч. А. Бондарева, А. Михайлова, В. Жирмунского. — М.: Эксмо, 2008. — С. 5–252.
3. Монтескье Ш.-Л. О духе законов. — М.: Мысль, 1999.
4. Сказания Приска Панийского Г. С. Дестуниса. — СПб: Тип. Императорской Академии Наук, 1860.

5. Федорова Е. А., Сливинский В. П. Сибирь в лингвомифологическом континууме России: постановка проблемы осмысления в русском языковом сознании // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2013. — № 22/2. — С. 27–33.

6. Aboul Gazi Bahadour Khan. Histoire généalogique des Tatars, traduite du manuscrit tartare d'Abulgasi Bayadur Chan, par M. D. — Leyde: A. Kallewier, 1726.

7. Catalogue de la bibliothèque de Montesquieu, publié par Louis Desgraves. — Genève: Librairie Droz, 1954.

8. Gorshenina S. L'invention de l'Asie centrale: histoire du concept de la Tartarie à l'Eurasie. Genève: Droz, 2014.

9. Jaucourt chevalier de. Tartares // Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. — T. 15. — Neufchâtel, 1751–1765. — P. 920–926.

10. Jenkinson A. Voiage d'Antoine Jenkinson pour découvrir le chemin du Catay par la Tartarie écrit par lui-même aux Marchands Anglois de Moscow // Recueil de voyages au Nord: contenant divers mémoires très utiles au commerce et à la navigation. — T. 4. — Amsterdam: chez Jean-Frédéric Bernard, 1732. — P. 470–515.

11. L'invention de la Sibirie par les voyageurs et écrivains français (XVIIIe –XIXe siècles) / sous la dir. de S. Moussa et A. Stroeve. — Paris: Institut d'études slaves, 2014.

12. Mervaud M. Un monstre sibérien dans l'Encyclopédie et ailleurs: le Béhémoth // Recherches sur Diderot et l'Encyclopédie. — 1994. — N17. — P. 107–132.

13. Mervaud M. Diderot et Agnus Scythicus: le mythe et son histoire // Studies on Voltaire and the Eighteenth-Century. — 2003. — N 1. — P. 65–103.

14. Minuti R. L'image de la Russie dans l'oeuvre de Montesquieu // Cromohs. — 2005. — N 10. — P. 1–6.

15. Muceni E. L'apport d'un éditeur des Lumières à la littérature viatique de son temps: Jean-Frédéric Bernard et Le recueil de voyages au Nord // Viatica. Ecrire le voyage à deux. Travel Writing in Partnership. — N 3. — 2016.

16. Spector C. Montesquieu et l'empire // Revue Montesquieu N8 (2005–2006). — URL: <http://montesquieu.ens-lyon.fr/spip.php?article330>

17. Spector C. Montesquieu, l'Europe et les nouvelles figures de l'empire // Revue Montesquieu. — N 8 (2005–2006). — URL: <http://montesquieu.ens-lyon.fr/spip.php?article330>